

УДК 327.88(73):323(5-191.2)

**ПРОЕКТ США ПО ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТЕОРИЯ НА ПРАКТИКЕ**

З.Т. Мураталиева

Проанализировано влияние США на внутривнутриполитические процессы стран Центральной Азии посредством демократической риторики. Раскрыта сущность парадигмы демократического транзита. Рассмотрена роль НПО в политике стран региона.

Ключевые слова: США; демократизация; политика; внутривнутриполитические процессы; НПО; Центральная Азия.

**THE USA PROJECT OF CENTRAL ASIA DEMOCRATIZATION:
THEORY IN PRACTICE**

Z. T. Muratalieva

It is analyzed the influence of the USA in the political processes of Central Asia through democratic rhetoric. The essence of the democratic transition paradigm is described. The role of NGOs in the politics of the region is considered.

Key words: the USA; democratization; politics; political processes; NGOs; Central Asia.

1991 г. обозначил новую страницу в новейшей истории стран Центральной Азии (ЦА), которые стали утверждаться на мировой арене в качестве полноправных независимых акторов. Приоритетными задачами, стоявшими в начале 1990-х гг. перед государствами региона, стали следующие: 1) форсированное освобождение от атавизмов советской системы в форме командно-административной экономики и монополии КПСС; 2) переориентация внутренней и внешней политики на ценности либеральной демократии, которая виделась ими в качестве единственно возможной альтернативы.

С одной стороны, такая ситуация стала следствием длительного существования стран в условиях жесткого противостояния двух политико-экономических систем социализма и капитализма с диаметрально противоположным идеологическим наполнением. С другой стороны, на фоне разрыва сложившихся в советский период экономических связей, обеспечивавших сбалансированное развитие региона, страны ЦА нуждались в финансовой помощи, которую в достаточном объеме могли предоставить международные финансовые институты, а также правительства развитых стран Запада. Непременными же условиями предоставления этой помощи являлись трансформация политической системы на основе демократических

принципов и либерализация экономики. Кроме того, отклонение во внутри- и внешнеполитическом курсе стран ЦА в сторону Запада был в неменьшей степени обусловлен и внешней политикой России, которая в 1990-е гг. также стремилась установить тесные отношения с Западом, прежде всего США, отводя Центральной Азии одно из последних мест в своем внешнеполитическом курсе.

В свою очередь, лидеры Западного мира также проявляли интерес к закрытому ранее для них региону, стремясь заполнить образовавшийся идеологический вакуум принципами нелиберализма и демократическими ценностями для предотвращения усиления влияния Китая, РФ или исламистских течений: “Америка не признает и не будет признавать какие-либо особые привилегии или так называемые сферы влияния для России или любой другой страны вне их собственных границ”, – так экс-глава Государственного департамента М. Олбрайт в 1998 г. выразила позицию США в отношении постсоветского пространства [1]. Однако кроме геополитических интересов в своей политике в отношении региона Центральной Азии США руководствовались и экономическими детерминантами ввиду того, что регион богат месторождениями нефти и газа.

В результате взаимный курс на политическое и экономическое сближение обусловил активное

влияние США на внутривнутриполитические процессы стран Центральной Азии посредством демократической риторики. Концептуальной основой проекта демократизации стран региона стала парадигма демократического транзита, разработанная в конце 1970-х гг. американским аналитическим сообществом на основе анализа образцов демократических преобразований в Южной Европе, Латинской Америке и некоторых странах Азии и на ранних работах ученых-транзитологов (О. Доннелл, Ф. Шмиттер). В основу этой парадигмы положены пять принципов: 1) любая страна, стремящаяся свергнуть диктатора, находится на пути к построению демократии; 2) процесс демократизации проходит три этапа (политическая либерализация авторитарного режима; падение режима и зарождение новой демократической системы через принятие новой конституции, усиление гражданского общества; адаптация населения к демократическим нормам); 3) решающая важность выборов, которые служат не только механизмом легитимации нового правительства, но и способствуют расширению и углублению политического участия граждан и подотчетности правительства; 4) специфика переходных стран – уровень экономического благосостояния, политическая история, институциональное наследие, этнический колорит, социокультурные традиции – не оказывают решающего влияния на процесс демократизации; 5) процесс государственного строительства вторичен по отношению к процессу демократизации [2].

Однако эти принципы к концу 1990-х гг. доказали свою несостоятельность. В ряде стран Центральной Азии попытки демократизации не дали результатов и были восстановлены авторитарные режимы: Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, где выборный процесс превратился в ценность саму по себе в отрыве от его содержательной сущности – механизма конституционной смены и легитимации власти. В Таджикистане этот процесс был ознаменован гражданской войной (1992–1997 гг.), которая впоследствии способствовала утверждению единоличной власти Э. Рахмона. Кыргызстан, стоявший в фарватере политических инициатив по трансформации всей политической системы в русле демократизации и получивший звание “островка демократии”, уже два раза за его короткий период суверенного существования сотрясали неконституционные смены власти, а “островок демократии” превратился в оплот нестабильности. В результате все страны региона в западном научном сообществе стали относиться к так называемой “серой зоне”: полудемократии, формальные демократии, электоральные демократии, нелиберальные демократии, фасадные демократии, виртуальные демократии, псевдodemократии [2].

Таким образом, демократический режим в этих странах является декларативным, без соответствующего ему идеологического и культурного содержания, что привело к искажению сути демократии. Американский политолог Д. Растоу полагает, что успешным переход к демократии может быть только при условии, во-первых, сформированной национальной идентичности, где нация понимается как политический конструкт, во-вторых, присущей населению политической культуры участия, в-третьих, высокого уровня благосостояния граждан.

В странах Центральной Азии в русле советской традиции под нацией понимается этническая общность, которая, в свою очередь, делится на роды и племена. Будучи закрытыми кровнородственными группами, они не могут выступать аналогом западных групп интересов, отличительной чертой которых является свободная ассоциация. Данная особенность обществ стран Центральной Азии послужила причиной появления в первые годы независимости огромного количества политических партий, как правило, сформированных вокруг определенного политического лидера по региональному принципу, имевших эклектичную идеологическую основу, спроецированную с западных шаблонов, и не способных эффективно выполнять функцию агрегации и артикуляции общественных интересов. В результате партии, созданные лидерами республик, превратились в механизмы формализованного, но не легитимного, на фоне декларативных выборов, проведения через парламенты необходимых решений.

При этом политические системы Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в соответствии с классификацией, предложенной американским экспертом по вопросам демократического транзита Томасом Карозерзсом в его статье “Закат парадигмы транзита”, можно отнести к типу “доминантной власти”. При данной системе существует ограниченное политическое пространство, функционирует ряд демократических институтов, но в то же время одна политическая группировка (движение, партия, династия, лидер) доминирует над всей политической системой, сосредоточивая в своих руках значительные экономические ресурсы. В таких странах стираются границы между государством и правящей силой [2]. В то же время политическую систему Кыргызстана, которая была в большей степени подвергнута процессам демократизации, чем его региональных соседей, первоначально (1990-е гг. – 2010 г.) также можно было отнести к типу “доминантной власти”. Однако после событий 7 апреля 2010 г. она перешла в разряд систем “бесполезного плюрализма”, характери-

зующихся значительной степенью политической свободы, проведением регулярных выборов, существованием множества различных партий, политические элиты которых коррумпированы и заинтересованы в собственной выгоде. В этих условиях население недовольно политическим курсом страны, но верит в идеалы демократии [2].

Другие агенты гражданского общества – НПО, финансируемые США, работают над определенными проектами, направленными, в первую очередь, на лоббирование интересов Западного мира: прозрачность политической системы и выборного процесса, либерализация экономики и т. д., что обеспечивает большую подконтрольность всех политических процессов, проходящих в стране. При этом если в начале 1990-х гг. направленность НПО основном была социально-экономической и экологической ввиду острых социально-экономических проблем, с которыми столкнулись страны региона после распада СССР, то с 2000-х гг. проекты НПО стали касаться вопросов справедливого государственного управления, прав человека, судебной системы, независимых СМИ и проведения выборов [3].

Однако деятельность НПО, как и партий, регламентирована по-разному в отдельных странах региона. В Таджикистане НПО стали появляться значительно позже, чем в остальных государствах из-за гражданской войны и пока не получили широкого распространения. В Туркменистане не существует понятия НПО, ввиду того, что оно несет отрицательную нагрузку, вместо него используется термин “общественная ассоциация”, которая регистрируется в качестве суборганизации правительственной организации: союза молодежи или союза женщин [3]. В Узбекистане до 2005 г. отношение государства к деятельности НПО, которых насчитывалось более 5000 было, нейтрально-лояльным [3]. Однако после Андижанских событий большинство организаций были закрыты ввиду ужесточения условий их регистрации и осуществления банковских операций. Государство превратилось в практически единственный источник финансирования деятельности НПО посредством выделения грантов и субсидий из государственного бюджета через Общественный фонд по поддержке НПО для выполнения ими государственных заказов, нацеленных на пропаганду инициатив и политического курса в целом руководства страны. Однако, даже выиграв грант, НПО не всегда могут реализовать разработанный проект вследствие бюрократических препон при финансировании.

Лидером же по количеству НПО является Кыргызская Республика. Их финансирование и контроль производятся через различные правительственные и неправительственные американские и между-

народные организации: ЮСАИД, Национальный фонд поддержки демократии, ПРООН, Национальный демократический институт США, Фонд Сороса и др., которые посредством НПО, могут вмешиваться во внутренние общественно-политические процессы страны. По мнению американского политолога Р. Россофа, “... два Джорджа – Буш и Сорос – не были одиноки в продвижении “цветных” геостратегических трансформаций от Балкан до бывшего СССР и Ближнего Востока. Они получали щедрую помощь от таких организаций, как “Фридом хауз”, Национальный центр поддержки демократии, Национальный демократический институт, Международный республиканский институт и другие” [4]. Это мнение подтверждено и официально озвученным в 2005 г. заявлением Дж. Буша о том, что с 2001 г. США выделили более 4,6 млрд долл. на поддержку “цветных революций” [5]. При этом объем ежегодно выделяемых НПО средств может превышать бюджет государственных ведомств Кыргызстана [6]. В результате НПО в центрально-азиатских республиках выполняют амбивалентную функцию: с одной стороны, собирают информацию об общественно-политическом климате в стране и служат его дестабилизации, с другой – выступают в качестве помощников в ликвидации последствий этой дестабилизации, что дает им гарантии долгого пребывания в стране.

Таким образом, страны Центральной Азии сразу после обретения независимости взяли курс на трансформацию своих политических систем по лекалам западной либеральной демократии. С одной стороны, это было обусловлено финансированием всех демократических преобразований западными странами, в первую очередь, США, стремившихся заполнить образовавшийся идеологический вакуум на постсоветском пространстве и сформировать когорту лояльных к себе политических режимов с перспективой обеспечения беспрепятственного доступа к месторождениям углеводородов. С другой стороны, в этом процессе одну из решающих ролей сыграла пассивная региональная политика РФ в 1990-х гг. и фактическое отсутствие каких-либо альтернатив либеральной демократии. В то же время проекты США по демократизации стран Центральной Азии в соответствии с концепцией демократического транзита, составляющей их концептуальную основу, доказали свою несостоятельность в аспекте декларируемых целей построения устойчивых демократических политических систем без учета социокультурных особенностей местных сообществ. Реализация этих проектов результативна в оформлении в центральноазиатских государствах гибридных политических режимов демократических по форме, но основанных на ценностях

традиционного общества: партии как регионально-племенные группировки, нация как антропосоциокультурная общность. В результате, используя ангажированные неправительственные организации, США получают возможность осуществления латентного контроля над политическими процессами в регионе, степень которого зависит от степени открытости той или иной страны. В меньшей мере влияние Вашингтона на внутривнутриполитические процессы прослеживается в Узбекистане и Туркменистане, в большей – в Казахстане и Таджикистане, и фактически неограниченное воздействие оказывается на политическую систему КР.

Литература

1. *Кулматова Г.* Кыргызстан-Запад: Новый формат отношений / Г. Кулматова // URL: http://www.gau.su/observer/N4_2004/4_04.htm (дата обращения: 4 апреля 2012).
2. *Тиленов Ж.* Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят / Ж. Тиленов // URL: <http://kabarlar.kg/index.php?newsid=2612> (дата обращения: 19 сентября 2013).
3. *Шарков Ю.* Разные одинаковые “цветные революции” / Ю. Шарков // *Международная жизнь*. М., 2008. № 5.
4. *Griffen J.* The Development of Civil Society in Central Asia / J. Griffen, L. Earle, C. Buxton // URL: www.dfid.gov.uk/r4d/.../R7649-report.pdf (дата обращения: 1 марта 2005).
5. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // *Journal of Democracy*. Washington, 2002. № 13/1.
6. *Rossoff R.* Kyrgyzstan Another Soros “Color” Revolution / R. Rossoff // URL: http://groups.google.com/group/total_truth_sciences/browse_thread/thread/7ba57cbaccba48e2 (дата обращения: 11 апреля 2010).